

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Жан Бодрийяр в контексте философских стратегий

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 213 группы направления 47.04.01 Философия
(профиль «История философии») философского факультета
Нечаева Алексея Юрьевича

Научный руководитель
профессор кафедры теоретической
и социальной философии
доктор философских наук, доцент _____ С.М. Малкина

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2019

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. Фигура Жана Бодрийяра, как философа, является достаточно противоречивой. Сфокусировав внимание на основных понятиях марксизма, он подвергает их детальному анализу в контексте тех методологических тактик философствования, которые сформировались в поле структурализма. Бодрийяр создает политическую экономию знака. Вместе с тем рассматривать Жана Бодрийяра исключительно как неомарксиста, было бы непозволительным упрощением. От критики политической экономики он переходит к разработке теории знака, символических объектов и коммуникаций, ставших наполнением его собственной оригинальной концепции симуляции.

Степень разработанности проблемы. Уникальность ситуации состоит в том, что творчество Жана Бодрийяра по историческим меркам – это творчество современника, его работы по-прежнему актуальны и проблемы, анализируемые в них, есть проблемы нашей действительности. Такая ситуация предполагает общение «напрямую» с работами автора, так как критической литературы, посвященной творчеству Бодрийяра, вышло не очень много. И в этом есть определенный плюс, как в плане актуальности данной работы, так и в плане исторической близости к первоисточнику. Тем не менее, уже сформировался некоторый задел по исследованию творчества Жана Бодрийяра.

Прежде всего, в историко-философском плане, интересны работы Дьякова А.В. и Грицанова А.А. и Кацук Н.Л.

Ряд работ посвящены анализу творчества Жана Бодрийяра в контексте установок так называемого постмодерного мышления (Голубя Ю.Г., Можейко М.А.).

Есть ряд работ, посвященных анализу отдельных философских линий в творчестве Жана Бодрийяра: например, работы Дж. Култера, П.М. Волкова и М.И.Михеева, В.Г. Косыхина. В целом указанные авторы рассматривают творчество Бодрийяра либо само по себе, либо в различных контекстах,

онтологическом, культурологическом, социально-философском, не делая специального акцента на анализе историко-философском. Эту лакуну и стремится заполнить данная работа.

Целью данной работы является исследование философских стратегий Жана Бодрийяра в контексте стратегий мышления в современной философии.

Задачи и структура работы: – рассмотреть политэкономия знака Жана Бодрийяра в русле традиции марксистской мысли; – исследовать трансформацию психоаналитического дискурса в философии Ж. Бодрийяра через понятие соблазна; – выявить общие моменты в работах представителей франкфуртской школы и Жана Бодрийяра на примере анализа творчества Герберта Маркузе и Вальтера Беньямина; – рассмотреть основные философские концепции представителей французской философии, таких как Мишеля Фуко, Ролана Барта, Жоржа Батая, в контексте творчества которых развивался дискурс Жана Бодрийяра.

Объектом исследования является творчество Жана Бодрийяра (1929 – 2007). **Предметом** исследования выступают философские стратегии Жана Бодрийяра в контексте работ представителей философии XIX-XX в.в.

Основные методы исследования. В данной работе были использованы методы исторической реконструкции и сравнительного анализа.

Научная новизна и теоретическое значение полученных данных и заключений осуществленного в данной работе теоретического анализа: проведен анализ основных понятий марксистской критики политической экономики; рассмотрено понятие соблазна, как глубинного основания символического строя, предшествующего всяким стратегиям рационализации; изучены основные точки соприкосновения и преемственности в работах Жана Бодрийяра и мыслителей франкфуртской школы; проанализировано контекстное поле французской философии, в котором, и благодаря которому, Жан Бодрийяр смог осуществить свои мыслительные стратегии.

Положение, выносимое на защиту. Творчество Жана Бодрийяра предстает как оригинальная концепция, осуществленная в поле влияния философских стратегий XIX-XX вв. Жан Бодрийяр актуализирует политическую экономию с помощью методологических ресурсов структурализма и семиотики. Соединяя философские стратегии Маркса, Фрейда, Фуко, Батая и других представителей философии XX в., Бодрийяр трансформирует их теории, посредством анализа стратегий соблазна, характерных для уже постсовременного мышления.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «На перекрестках марксизма и психоанализа» рассматриваются основные понятия марксистской критики политической экономики, а также трансформация этих понятий в дискурсе политической экономики знака. Анализируется понятие соблазна, как необходимое условие символического порядка.

Первый параграф «По ту сторону марксизма» посвящен выявлению оснований, из которых Бодрийяр выводит политэкономия знака. Изначально ставя под сомнение подход Карла Маркса, выстраивавшего свою теорию стоимостей из оптики потребностей человека, Бодрийяр производит анализ обмена благами, осуществляя редукцию этого понятия от обмена товарного до обмена символического, который становится отправной точкой социального взаимодействия людей. Вовсе не необходимость рационально удовлетворять свои потребности, изначально присуща человеку, но потребность дара, отклика, иррациональная амбивалентность поступка. Бодрийяр полагает, что марксистский идеализм – это видеть фетишизацию лишь в меновой стоимости товара. Он выдвигает гипотезу, в рамках которой потребительная стоимость основывается на потребностях точно так же, как меновая стоимость на абстрактном общественном труде. Ими должна управлять одна и та же логика, один и тот же код. Для возникновения в процессе экономического обмена меновой стоимости, уже необходимо, чтобы понятие той или иной полезности задавало предмету объективные характеристики, которая обеспе-

чивает согласование предмета с потребностью субъекта через функциональность и целесообразность. Такая модель уничтожает все возможное многообразие смыслов взаимоотношения, и именно это упрощение позволяет сводить многообразие отношений к линейной системе стоимостей и практик политической экономии. Из этого становится понятно, что потребности заданные экономической системой никак не связаны с желаниями и собственными потребностями субъекта. Потребительная стоимость становится идеологическим содержанием вещи.

Для Маркса самым простым элементарным предметом политической экономии являлось понятие товара. Бодрийяр показывает, что сегодня такой элементарной частью становится и не товар, и не знак, а их единство, в которых происходит объединение всех стоимостей в форму/знак. Здесь уже не работает классическая схема разделения на базис и надстройку, материальное производство и культуру, как производителя знаков. Определяющим такой системы становится код политической экономии (форма/товар и форма/знак), он рационализирует и упорядочивает обмен исходя из логики системы. Политическая экономия знака, есть установление особого режима означивания, реализуемого под прикрытием функциональности. Фетишизм предмета теперь предстает, как захваченность субъекта закодированными моментами. Тот или иной товар, чтобы стать объектом потребления, должен обладать знаком, обретающим смысл в соотнесенности с другими вещами-знаками. Но теперь функциональность означиваемого, это уже не прежняя полезность, это информация, информационный обмен, как процесс передачи знаков. Именно на уровне знаков системе становится возможным поддерживать круговорот производства-потребления. Все происходящее задается одной и той же логикой: масс-медиа, мода, дизайн, все пронизано одним и тем же рациональным смыслом существования.

Достигнув определенного этапа развития, деньги перестают быть просто средством коммуникации, они и есть сами оборот. Сегодня деньги

избавлены даже от власти меновой стоимости и категорий рынка, они превращаются в автономный симулякр. Все знаки теперь обмениваются друг на друга, но не обмениваются ни на что реальное. Именно капитал освободил их от этой необходимости, вбросив, принудив к чистому обороту. Бодрийяр полагает, что капитал никогда и не функционировал по законам базиса-надстройки, он развивался на всех уровнях сразу, распространяя свой закон на все пространство жизни. Игра в производство – лишь один из этапов развития капитала, который он преодолевает. На новом этапе производство сменяет воспроизводство. Спекуляция уже не соотнобразуется с понятием прибавочной стоимости, опирающейся на реальность производства. Основная особенность такой системы – исключение смысла.

Маркс не мог предвидеть, что капитал способен на такие трансформации, как выйти за пределы производственных отношений. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, в которой экономические процессы оказываются освобождены от классических законов и представляют игру чистой спекуляции. Капитал выходит на орбиту трансполитического, что позволяет ему форматировать весь мир по своему образу и подобию. Функционирование такой системы основывается скорее на прибавочной стоимости знака, а не на «устаревшей» прибавочной стоимости товара. Структурный закон ценности выступает формой социального господства, растворенного и закодированного в знаках.

В итоге, можно сделать следующий вывод. Реализую свою стратегию на стыке марксизма и структурализма, Жан Бодрийяр осуществляет собственную оригинальную критику капитала, вполне актуальную и адекватную моменту современности.

Во второй параграфе «От субъекта желания, к объекту соблазна» была предпринята попытка комплексно рассмотреть человека в единстве психологических и социальных качеств.

Бодрийяр относит психоанализ, как и марксизм, к строю буржуазного, строю продуктивности и производства. По Фрейду существует только один

вид сексуальности, мужское либидо. Бодрийяр считает такую концепцию не полной, отводя женскому особую роль, полагая, что оно не противостоит мужскому, но соблазняет его, выступая альтернативой строю секса и власти.

Форма соблазна – обратимая форма, пространство игры и вызова, страсти и неопределенности, ритуального обмена. Соблазн не вписывается в природный строй и, тем более, в строй производства и желания, он относится к строю знака и ритуала. Бодрийяр убежден, что подлинным основанием движения вещей всегда был и остается именно символический обмен, не смотря на все степени развития рациональности. Но не стоит полагать, что соблазн тождествен сексу. Сексуальное есть способ производства и обращения тел либидинальной экономики, нацеленной на натурализацию желаний, где требование к ликвидности, выступает как реплика закона товарной стоимости. Бодрийяр находит у категорий политической экономии и психоанализа общее основание – их зависимость от символического. Буржуазный строй со своей рациональностью и производством приходит на смену иррациональному строю соблазна, игры, дара. Тайное и сокровенное растворяется (проявляется) в симуляции реального. И все же соблазн сильнее буржуазной власти (да и власти вообще), его сила в его обратимости и смертельной серьезности. Буржуазный строй реального напротив старается быть необратим как ценность и бессмертен. Соблазн к нему не относится, но и не противостоит. Он обволакивает строй реального производства своей непрерывной обратимостью. Симуляция реального – знаковая. Знаки, взятые с лицевой стороны и принятые позитивизмом за чистую монету, ведут напрямую к реальности и очевидности строя власти, пола и производства. Но именно реверс этих знаков, неявная сторона, создающая приманку власти, остается во власти соблазна. Захваченность этой тайной, на самом деле пустой и непрезентативной, проецируясь на окружающий мир, который мы полагаем «реальным», вдруг показывает, что все реальное лишь сценические декорации, объективированные глубиной гиперсимуляции. Литература, живопись, архитектура – все это эстетическое пространство, определяемое

симулякр, взламывающим эффект рациональности, разрушающим очевидность мира. Нас всегда околдовывает недостающее измерение, образующее пространство обольщения. Вещи обретают свой смысл, в том числе и через растворение в видимостях.

В итоге Бодрийяр ставит вопрос радикально: что если движение вещей не есть игра производительных сил? Что если все важные моменты различения, добро и зло, истина и ложь, настроенные на то, чтобы удерживать мир в поле смысла, не противостоят, а соблазняют друг друга? Субъект и объект, мужчина и женщина, означаемое и означающее – не тождественны, и не противоположны. Они – обольщены.

Бодрийяр выстраивает свою семиотическую версию исторических этапов развития общества:

Правило	Закон	Норма
Ритуальность	Социальность	Модель

Эра моделей погружает в холодную имманентность норм. Здесь полярность знака замещается дигитальностью сигнала. Здесь не остается ничего от прежней страсти, безумия, неимоверности ставки. Наблюдается полное функциональное подчинение закону стоимости.

Современный мир по Бодрийяру – гигантский процесс симуляции, где потоки информации реализуются как сервис построения голограммы социального. Отчуждение масс через мистификацию сознания, сменяется обольщением, их замороженностью. Господство, утверждавшее себя грубым насилием, теперь покоится на силе соблазна. Мы живем в мире, совершившем трансформацию в системе отношений от символического, через реальное, к виртуальному. Для человека современного определяющим становится его зачарованность и укорененность в ткани смоделированного социального. Здесь уже не остается место вызову и потребности растраты избыточного.

Во второй главе «Бодрийяр и философии XX века», производится анализ философских концепций, оказавших влияние на творчество Жана Бодрийяра. В первом параграфе «Бодрийяр и франкфуртцы (Г. Маркузе, В. Беньямин)» анализируются проблемы, ставшие общими для этих философов. Основной мыслью, заложенной Маркузе в основание своей книги «Одномерный человек», являлся тезис об объединении прежде антагонистически настроенных буржуазии и пролетариата в рамках современного индустриального общества. Человек привязывался к действующей системе уже с двух сторон – с одной стороны оставалась угроза утраты своего социального положения, с другой возможность его улучшения. Эксплуатация человека стала происходить как со стороны производства материальных благ, так и со стороны их потребления. Такое положение вещей Маркузе назвал «сублимированным рабством». Бодрийяр также говорит, что идеология потребления является определяющим фактором современной экономики, как всеохватывающей манипуляции. Обладание тем или иным предметом становится символом социального признания и определенного статуса в иерархии. Создается иллюзия демократического пространства потребительского равенства возможностей. Мистификация в такой ситуации заключается в том, что на самом деле атрибутом превосходства буржуазного класса является не потребление вещей, обладающих высоким статусом. Господство реализуется на уровне реального участия в принятии решений в сфере управления политической и экономической власти, в манипуляциях на уровне означивания. Власть базируется не столько на собственности на средства производства, сколько на контроле над процессом означивания. Именно на этом уровне установления ценностей господство капитала реализуется максимально тотально в абсолютном закабалении и закрепощении человеческой личности.

Такая же ситуация возникает и с общими тенденциями, которые можно обнаружить в работах Вальтера Беньямина и Жана Бодрийяра. Уникальность и ценность работ Беньямина в том, что он еще в первой половине XX века

смог предвосхитить тенденции развития культуры, опосредованные базисом буржуазной экономики. Техника меняет мир, создает новую реальность, и область эстетического оказывается деформирована этим влиянием. В следствии технического воспроизводства произведение искусства лишается ауры и обретает к себе новое отношение масс. Техника изменяет искусство, наделяя его новыми функциями. Если изначально уникальность произведения основывалась на ритуале, то теперь место ритуала занимает политика. Эстетизация политики, по Беньямину, становится возможной в ситуации, когда и для эстетики, и для социальных процессов, общим основанием выступает капитал. Позже Бодрийяр покажет, что капитал есть принцип реального, а его код – бинарный код. Им охвачены все сообщения и знаки, циркулирующие в обществе. Именно в этом смысле современные масс-медия уже не информируют, а тестируют, то есть в итоге – контролируют. Вещи и информация уже заранее являются результатом отбора, опосредованные кодом. Все предстает в виде наборов готовых решений, из которых формируется прогнозируемый выбор. Нет ни истины, ни лжи, так как нет принципиальной разницы между вопросом и ответом. Происходит схлопывание мира до состояния одномерности, где все определяется кодом, оцифровывается, обесценивается.

Во втором параграфе «Бодрийяр и французская философия XX в. (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Батай)» рассматриваются персоналии, творчество которых в той или иной мере можно соотнести с мыслью Бодрийяра.

У Мишеля Фуко и Жана Бодрийяра общим оказывается внимание к проблемам, ставшими фундаментальными для современного буржуазного общества, такими как власть, подавление, сексуальность. Фуко полагает, что начальной точкой формирования дискурса новой власти является XVII в., время зарождения буржуазии. В раскрытии этого дискурса Фуко наблюдает как подавление сексуальности, так и становления системы наказания и дисциплинарного воздействия. Индустриальные отношения требовали человека нового типа, встраиваемого в социальную матрицу на основании

техник тела. Назначение власти по Фуко не в ограничении, а в организации более эффективного использования масс. Бодрийяр возражает Фуко, полагая, что тот остается в поле действия реального, которое сам же и описывает. Для Бодрийяра такая позиция не имеет перспектив. Для него производство предстает насильственной материализацией иного порядка, того, что относится к символическому, к тайне и соблазну.

В отношении Ролана Барта можно уверенно сказать, что его творчество оказало большое влияние на становление мысли Жана Бодрийяра. То определение мифа и способы и функционирования, которое вывел Барт для современного общества, его семиологическая механика, отчетливо прослеживаются в критике Бодрийяром буржуазного общества. Основным моментом, взятом Бодрийяром у Барта, становится, конечно, отношение к миру, как неподлинному. Речь идет о восприятии в оптике культурного опыта наполненного вторичным идеологическим содержанием. Время мифа сменяется временем ни на что не обмениваемого симулякра.

Не менее важное влияние на Жана Бодрийяра оказал Жорж Батай. Одним из объединяющих их моментов, становится попытка взглянуть на экономическую деятельность человека с неожиданной стороны, обнаружить иные мотивы и стимулы этой деятельности. Для Батая фундаментальной проблемой человека и живой материи в целом, становится не необходимость (нехватка), а ее противоположность – «роскошь». Капитализм создает искусственную систему, в своей рациональности вступающей в противоречие с процессами существования живой материи. Его основная потребность – утаивать суть этих фундаментальных процессов, направленность которых раскрывается в возвращении накопленных богатств к своему назначению – к дару, к безвозмездной растрате. Потребность в истреблении оказывается пропорциональна принуждению к труду. Бодрийяр в общем-то продолжает развивать мысль Батая о движении энергии, но реализует ее в понятиях символического обмена.

Всюду, во всех областях, Бодрийяр видит форму символического, форму обратимости, циклического обращения, отмены. Так обратимость дара проявляется в отдаривании, обратимость обмена – в жертвоприношении, обратимость времени – в цикле, жизни – в смерти.

В **заключении** подводятся итоги работы. Была исследована структура политической экономии знака. Разобраны важные моменты: принцип функционирования экономики, движение капитала, выходящее за пределы понимания классической политэкономии, производство и потребление, а затем и воспроизводство, трансформация реальности в гиперреальность.

Отдельно стоит выделить внимание к противоречивому понятию соблазна. Бодрийяр относит его к порядку символического и одновременно придает ему статус определяющего стимула движения вещей и коммуникативных запросов. Данное исследование показало особенности раскрытия этого понятия, отличие и общие моменты с понятиями либидо Фрейда и античным Эросом.

Франкфуртскую школу с ее критической теорией неоднократно признавали связующим звеном между классической философией и постмодернистскими тенденциями конца XX века. Эта связь действительно наблюдается в творчестве франкфуртцев и Бодрийяра. Проблема потребления, сведения человеческого общества к одномерной структуре, эстетизация политики и экономики, как наиболее явные общие моменты являются определяющими для концепции Бодрийяра.

Французская философия, частью которой, безусловно, является и Жан Бодрийяр, предстает важным контекстуальным полем, исследование которого позволяет лучше понять развитие и направление мысли философа, охарактеризовать внимание к общим для этих философий проблемам, преемственность идей, левый антибуржуазный тон философствования как определенную позицию для критики.